

ступлений, других правонарушений, невыполнения условий отбывания наказания или исполнения меры пресечения.

Однако даже наличие указанных устройств по месту жительства подозреваемого или обвиняемого не позволяет в полной мере обеспечить соблюдение установленных запретов и ограничений, что подтверждает несовершенство или даже отсутствие механизма контроля органами ФСИН России за качественным исполнением домашнего ареста [2].

В то же время неприменение системы электронного мониторинга приводит к нарушениям условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста: подозреваемые, обвиняемые пытаются воспрепятствовать производству по уголовному делу, скрываются от органов предварительного следствия и суда, совершают преступления, оказывают давление на потерпевших и свидетелей.

Еще одной причиной низкой результативности применения системы электронного мониторинга являются технические недоработки средств контроля, которые влияют на срок их эксплуатации, поэтому возникают вопросы с качественным ремонтным обеспечением оборудования систем электронного мониторинга. Так, согласно статистическим данным, по состоянию на декабрь 2017 г. в целом по ФСИН России было исправно лишь 74 % имевшихся в наличии мобильных и стационарных контрольных устройств [3].

Следующей проблемой является неудовлетворительное качество картографического обеспечения электронного мониторинга подучетных лиц. Границы отдельных муниципальных образований на стационарных пультах мониторинга не привязаны к географическим координатам, что не позволяет обеспечить надлежащий контроль за поведением подозреваемых и обвиняемых, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить следующее. Значительные материальные затраты на обеспечение органов ФСИН России техническими средствами, позволяющими производить аудиовизуальное наблюдение, а также электронными браслетами и низкая эффективность таких мер контроля неизбежно ставят вопрос о целесообразности дальнейшего развития этого направления. Необходимо также учитывать и человеческий ресурс, ведь вследствие постоянной оптимизации правоохранительных органов страдает качество реализации данной меры пресечения и контроля за ней. Так, законодателем еще в 2016 г. на реализацию функций по контролю за подозреваемыми и обвиняемыми, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста,

предусматривалось введение еще 2 467 штатных единиц в ФСИН России, которые так и не были выделены. Поэтому считаем необходимым рассмотреть вопрос об увеличении штатной численности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России.

1. ФСИН: домашний арест основан на добросовестности [Электронный ресурс] // ТАСС; информационное агентство : сайт . URL: <https://tass.ru/interviews/6615840> (дата обращения: 12.09.2020).

2. Голубцова К.И. Совершенствование контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста, при использовании системы электронного мониторинга подучетных лиц // Вестн. Кузбас. ин-та. 2019. № 4. С. 117–125.

3. Квык А.В. К вопросу о несовершенстве системы средств контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом // Рос. следователь. 2017. № 4. С. 24–26.

УДК 343.98

Я.В. Фурман

О КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К СУДЕБНОМУ ЭКСПЕРТУ В УКРАИНЕ

В соответствии со ст. 10 Закона Украины «О судебной экспертизе» от 25 февраля 1994 г. судебными экспертами государственных специализированных учреждений могут быть специалисты, имеющие соответствующее высшее образование, образовательно-квалификационный уровень не ниже специалиста, прошедшие соответствующую подготовку и получившие квалификацию судебного эксперта по определенной специальности.

Следует согласиться с мнением А.В. Кофанова, который отмечает, что актуальность разработки системы критериев отбора, подготовки и сопровождения профессиональной деятельности экспертов обусловлена в первую очередь концептуальным значением единства личности эксперта и его деятельности. Результат работы эксперта определяется успешностью его профессиональной деятельности. Успешность результата деятельности зависит от квалификации эксперта и его личных качеств, степени их развития и управления ими [1, с. 80].

Профессия судебного эксперта является уникальной по своему содержанию. С одной стороны, его профессиональный статус заключается в проведении с применением своих специальных знаний (с практически неограниченного круга вопросов – науки, техники, ремесла и т. д.) на-

учно обоснованного исследования для установления фактов, имеющих доказательственное значение при расследовании и рассмотрении дел в судах, с другой – он приобретает статус процессуального лица при даче заключения эксперта и таким образом в своей профессиональной деятельности сочетает статус специалиста в соответствующей отрасли знаний, ученого и процессуального лица [2].

В соответствии со ст. 10 Закона Украины «О судебной экспертизе» судебными экспертами могут быть лица, владеющие необходимыми знаниями для предоставления заключения по исследуемым вопросам. Судебными экспертами государственных специализированных учреждений могут быть специалисты, имеющие соответствующее высшее образование, образовательно-квалификационный уровень не ниже специалиста, прошедшие соответствующую подготовку, и получившие квалификацию судебного эксперта по определенной специальности.

Согласно ст. 69 Уголовного процессуального кодекса Украины экспертом в уголовном производстве является лицо, которое владеет научными, техническими или другими специальными знаниями, имеет право в соответствии с Законом Украины о судебной экспертизе на проведение экспертизы и которому поручено провести исследование объектов, явлений и процессов, содержащих сведения об обстоятельствах совершения уголовного преступления, и дать заключение по вопросам, которые возникают в ходе уголовного производства и касаются сферы его знаний (ст. 69).

В соответствии со ст. 72 Гражданского процессуального кодекса Украины экспертом может быть лицо, обладающее специальными знаниями, необходимыми для выяснения соответствующих обстоятельств дела (ст. 72). Аналогичная норма существует и в Кодексе административного судопроизводства Украины (ст. 68).

Вышеупомянутые нормативные правовые акты закрепляют такое требование к эксперту, как компетентность. Законодательство Украины не определяет понятие «компетентность эксперта». Однако в словаре судебного эксперта компетентность эксперта определяется как степень владения теорией и методиками экспертизы определенного вида, способность (субъективная возможность) осведомленного лица решать поставленные вопросы, относящиеся к предмету экспертизы [3].

В п. 6–7 Кодекса чести эксперта, одобренного деловым совещанием Совета Европейской сети криминалистических научных учреждений (ENFSI) от 28 мая 2005 г. отмечается, что работники судебно-экспертного учреждения должны: знать пределы своей компетенции и предоставлять экспертные заключения и показания только в этих пределах; и отказаться от выполнения работы, если она не входит в сферу их компетенции

или они не имеют необходимых средств или оборудования. Иначе, Кодекс чести эксперта помимо прочих требований закрепляет требование – знать пределы своей компетенции. В законодательстве Украины это требование нашло свое отражение в ч. 1 ст. 242 УПК, в которой говорится, что не допускается проведение экспертизы для выяснения вопросов права (ст. 242). Это означает, что какой бы значительный экспертный опыт не был у судебного эксперта, какими бы навыками не обладал, вопросы права всегда будут выходить за пределы его компетенции. Кроме того, компетенции судебного эксперта определяются методиками и методическими рекомендациями согласно его экспертной специальности.

Квалификационные требования к судебному эксперту имеют четкую регламентацию и специфику в зависимости от его ведомственной принадлежности.

Итак, квалификационные требования, что выдвигаются к кандидатам на должность судебного эксперта МВД, указаны в Законе Украины о судебной экспертизе, и Приказе экспертной службы МВД Украины от 13 апреля 2018 г. № 12-ЕС-Н «Об утверждении Перечня рекомендованной специальности (отрасль знаний и специальностей) кандидатов, которые претендуют на должности судебных экспертов». В Приказе закреплены рекомендации по специализации (специальности) в соответствии с видом экспертной специальности. Например, кандидату на должность судебного эксперта по направлению «пожаротехнические исследования» необходимо иметь высшее образование по специальностям: пожарная безопасность, гражданская безопасность, право, вооружение и военная техника, нефтегазовая инженерия и технология.

Таким образом, к основным требованиям, закрепленным в трудовом законодательстве, относятся: компетентность, высшее образование со степенью не ниже магистра (т. е. полное высшее образование), соответствующая подготовка, квалификационные требования, знание границ своей компетенции. Судебный эксперт в итоге должен не только соответствовать квалификационным и профессиональным требованиям, но и иметь высокую ответственность за свои поступки и деяния, а значит, должен отличаться высокими моральными качествами, необходимыми для исследования на этапе отбора кадров.

1. Кофанов А.В. Теоретические и практические аспекты деятельности судебных экспертов. Актуальные проблемы экспертологии : сб. материалов. Киев, 2012. С. 79–86.

2. Проблемные вопросы законодательного регулирования судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] // Верховна Рада України : сайт. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n0002323-13> (дата обращения: 16.11.2020).

3. Словарь судебного эксперта // Межрегиональное бюро экспертиз : сайт. URL: http://mbe2009.ru/slovar_sudebnogo_eksperta (дата обращения: 16.11.2020).

УДК 343.98.068

А.В. Холопов

КОГНИТИВНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

Криминалистика наравне с другими науками проходит определенные фазы (стадии) развития, соответственно, и формирования. Начальная фаза (первая стадия) науки преимущественно связана с процессом накопления эмпирических данных, полученных в результате наблюдения и экспериментов с исследуемым объектом (предмет, явление, процесс и т. д.). Вторая фаза – теоретическая – предполагает описание представлений об объекте исследования (формирование целостной модели объекта познания) на основе имеющихся эмпирических данных. Сюда также входит описание методологии деятельности исследователя по изучению объекта познания. Увеличение количества научных данных и сложности их изложения обуславливают третью фазу – необходимость осмысления накопленной информации. Это высшая когнитивная (от лат. *cognitio* и *cogitation* – познание и познавание) фаза развития науки. Здесь деятельность субъекта познания заключается не только в осуществлении операций с объектом познания, но преимущественно – в формировании мышления для осознания накопленных теоретических знаний и практического опыта, полученных на предыдущих этапах развития науки. Другим словами, на этом этапе наука учит мыслить, т. е. субъект познания вырабатывает профессиональное мышление.

Некоторые кризисные явления в криминалистике обусловлены переходом к третьей когнитивной фазе развития. В результате такого перехода криминалистика ориентируется на изучение закономерностей процессов познания и организацию мыслительной деятельности субъектов применения криминалистических знаний (следователь, эксперт, прокурор, судья).

Когнитивные науки (когнитология, когнитивистика) сегодня представляют собой исследование «проблематики закономерностей приобретения, преобразования, представления (репрезентирования), хранения и воспроизведения информации» [1, с. 133].

Как метанаука, когнитивистика объединяет «философию (теория познания), лингвистику, антропологию, нейрофизиологию, теорию информации,

теорию принятия решений и когнитивную психологию» [1, с. 138–139], и предметом ее изучения становится познание и мышление человека.

По выражению Р.С. Белкина, криминалистика – синтетическая наука [2, с. 696], и для ее развития необходима трансдисциплинарная логика (язык), позволяющая интегрировать и организовывать знания их других наук и тем самым развивать криминалистику. Таким трансдисциплинарным языком призван стать системный подход (теория систем), которая является «одним из ключевых принципов когнитивного подхода и понимается как методологический принцип рассмотрения человека в качестве сложной социобиологической системы во всех взаимосвязях составляющих ее структур разных иерархических уровней» [1, с. 148].

Одним из основных методов исследования объектов в системном подходе является системный анализ, который, по мнению Ф.И. Перегудова и Ф.П. Тарасенко, следует рассматривать как «прикладную диалектику» [3, с. 4], т. е. практическое воплощение диалектического метода познания.

В свою очередь, способом организации мыслительной деятельности субъекта познания в системном подходе (теории систем) является системное мышление.

По мнению Г.А. Зорина, «системное мышление (в рефлексивном режиме) может стать своеобразной религией криминалистики» [4, с. 41]. На наш взгляд, данное высказывание отражает когнитивную природу криминалистики, основанную на системном подходе.

Однако следует констатировать, что системное мышление не стало ни религией криминалистики, ни основой криминалистического мышления. По убеждению М.К. Каминского, криминалистика погрязла в вульгарном материализме [5].

Следует отметить, что на начальном этапе развития науки первыми учеными-криминалистами высказывались мнения о необходимости обучения следователей мыслить. Например, о когнитивной природе криминалистики рассуждал один из ее основателей Ганс Гросс. Он требовал «от судебного следователя (...), чтобы стремление учиться и расширять познания никогда не покидало его, даже если бы он и не находился при исполнении обязанностей службы» [6, с. 9]. Важность развития и совершенствования мыслительных приемов, выполняемых следователем, также подчеркивает и Э. Анушат [7]. В настоящее время о призвании криминалистики учить мыслить будущих следователей и прокуроров со студенческой скамьи писал Н.П. Яблоков [8, с. 13–15].

Таким образом, для обеспечения фазового перехода «классической» криминалистики в когнитивную видится логичным необходимость проведения следующих перспективных научных исследований, результаты